

УДК 745/749

О НЕКОТОРЫХ АТРИБУТАХ ДРУЖИННОЙ СРЕДЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ X – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XI в. В ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

*А.А. Беговаткин, научный сотрудник
Института археологии РАН, Москва*

Скандинавский культурно-этнический импульс в раннем средневековье оказал существенное воздействие на декоративное искусство народов Восточной Европы. Под влиянием северной традиции в искусстве балтов, славян и финно-угров распространились изобразительные каноны Одина и Тора¹. Подавляющее большинство находок, несущих на себе изображения языческих богов, сосредоточено в Балтийском регионе, на Верхней Волге и Поднепровье. Предметы, воспроизводящие иконографические варианты Одина, Тора, Перуна и Перкунаса, являются в определенной степени своеобразными социальными маркерами. Их распространение неразрывно связано с княжескими дружинами и с утверждением пантеона, в котором ведущие места отводятся покровителям воинских союзов – богу грома и богу войны.

Отдельные артефакты подобного рода, обнаруженные в Волго-Окском междуречье, еще не рассматривались в археологической литературе. В данной статье анализируются находки, относящиеся к кругу древностей, связываемому со скандинавской традицией в искусстве. Для начала обратимся к тем предметам изображения, которые можно с достаточной степенью уверенности отнести к иконографическим вариантам Тора.

В 1936 г. при раскопках Ефаевского могильника, находящегося в среднем течении р. Мокши, была обнаружена

подвеска². Она происходит из женского погребения № 6, которое по форме обнаруженных в нем серебряных застежек – сюлгам датируется концом XIII–XIV в. Подвеска находилась на груди в составе ожерелья из серебряных полых внутри бус, украшенных зернью и сканью, а также сердоликовых бус бипирамидальной и призматической формы (рис. 1, 1). Украшение плохо сохранилось, что свидетельствует о его длительном использовании. В настоящее время в удовлетворительном состоянии находится только лицевая сторона подвески, которая представляет собой рельефный оттиск из листового серебра толщиной около 1 мм. Судя по небольшим уцелевшим фрагментам, обратная сторона была ровной, без какой-либо рельефности. Лицевая и обратная стороны украшения были спаяны между собой. Длина подвески от сохранившейся части ушка до нижнего края составляет 36 мм, ширина в месте наибольшего расширения – 37 мм. Внешняя поверхность изделия покрыта беспорядочно расположенной зернью, напаянной внутри обозначенного контура. В центральной части находятся два полусферических вдавления, оконтуренных проволокой. Чуть выше вдавлений расположены четыре проволочных кольца, которые образуют ромб. На поверхности подвески сохранились следы позолоты, покрывавшей, по-видимому, тонким слоем весь предмет.

В археологической литературе такие подвески получили название крестообразных. Подобные украшения (рис. 1, 3) были обнаружены в Киеве, на территории Михайловского монастыря, в составе клада 1903 г., сокрытого между 70-ми годами XII в. и 1240 г.³ Крестообразные подвески из Киева Г.Ф. Корзухина датировала первой половиной XI в., полагая, что они попали в состав более позднего клада. Кроме Киева, основная масса подобных изделий происходит с территории материковой Швеции, а также из кладов первой половины XI в., обнаруженных на острове Готланд, и из Хиддензее в Дании (рис. 1, 2)⁴. Время изготовления крестообразных подвесок с острова Готланд М. Стенбергер относит ко второй половине X в. Ефаевская подвеска типологически близка украшениям, найденным в Киеве, и соответственно время ее изготовления также может быть отнесено к первой половине XI в. Нахождение ее в погребении, датируемом концом XIII—XIV в., объясняется тем, что ценные украшения у мордвы обычно передавались из поколения в поколение и соответственно надолго задерживались в быту.

Крестообразные подвески из Киева традиционно относятся исследователями к предметам скандинавского происхождения. При рассмотрении украшений из кладов конца XII — начала XIII в. Г.Ф. Корзухина отмечала, что крестообразные подвески, находившиеся в быту более полутора столетий, не имели местных подражаний. Относительно ефаевской подвески ею было высказано предположение, что данное украшение попало на земли мордвы не из Поднепровья, а из Скандинавии, по Волге и Оке⁵. Анализируя предметы с бессистемно напаянной зернью, Е.Ю. Новикова пришла к заключению о местном производстве обнаруженных в Киевском кладе крестообразных подвесок. Происхождение таких украшений связывается ею с дружинной средой⁶.

Вне всякого сомнения, крестообразные подвески из Киева и Ефаевского

могильника были изготовлены скандинавами. В пользу этого говорит и техника бессистемной зерни напаянной внутри контура, и то, что данные подвески немногочисленны на территории Восточной Европы и не имели местных славянских и финских подражаний. Место изготовления этих подвесок определить сложно. Их могли изготовить как в Поднепровье, так и на о. Готланд, т.е. в тех районах, где в полиэтничной среде происходило взаимодействие различных традиций.

Не менее сложен вопрос об иконографии крестообразных подвесок. П. Паульсен связывал происхождение скандинавских крестообразных подвесок с молотом Тора⁷. Богатое оформление (подвески из Хиддензее изготовлены из золота) предполагает сакральное назначение этих изделий, подчеркивающих привилегированное положение их владельцев в обществе. В этом плане представляет интерес орнамент на ефаевской подвеске, выполненный при помощи проволочных колец и полусферных вдавлений. На наш взгляд, данная орнаментальная композиция — это стилизованное изображение лица в перевернутом положении. Вдавления в центре можно отождествить с глазами, а ромб, выполненный из проволочных колец, — со ртом, окаймленным усами и бородой.

Комбинационное сочетание двух кругов и ромба, символизирующих изображение лица божества, встречается на рукоятях мечей, обнаруженных в Прибалтике и на территории Руси. Одним из характерных примеров такого рода можно считать навершие меча, обнаруженного в конце 80-х годов XX столетия у села Пурдошки, на правом берегу р. Мокши⁸. Подробное описание пурдошанского меча приводится в работах В.Н. Шитова⁹. Мы ограничимся лишь рассмотрением некоторых интересующих нас конструктивных деталей бронзовой рукояти и элементов ее орнаментации.

Рукоять меча состоит из перекрестия, трубки и навершия (рис. 2). Все

Рис. 1. Крестообразные подвески с бессистемной зернью: 1 – Ефаевский могильник (Краснолободский р-он Республики Мордовия), серебро с остатками позолоты; 2 – Хиддензее, клад (Дания), золото; 3 – Киев, клад 1903 г. на территории Михайловского монастыря, серебро. 1 – фонды Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея им. И.Д. Воронина; 2, 3 – по: Новикова, 1993. Рис. 3, 3,4.

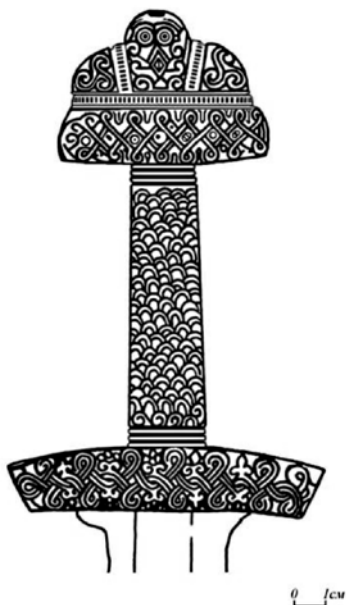

Рис. 2. Рукоять меча из окрестностей села Пурдошки (Темниковский район Республики Мордовия), бронза, чернь. Фонды Темниковского историко-краеведческого музея им. адмирала Ф.Ф.Ушакова

детали полые внутри. Судя по всему, каждая деталь рукояти изготавливалась из двух половинок, отлитых в одной литейной форме. Облегченный характер рукояти свидетельствует о ритуальном или парадном характере оружия. Рукоять меча имеет трещины и следы ремонта в древности, что говорит нам об использовании оружия по его прямому назначению.

Обратимся к орнаментации рукояти пурдошанского меча. Центральное место на навершии рукояти занимает стилизованное изображение лица. Круги, расположенные в центре, символизируют глаза, а ромб, находящийся ниже, по всей видимости, это рот, окаймленный усами и бородой. На боковых частях навершия помещены триквестры с завернутыми в спираль концами, представляющие собой, по мнению В.Д. Артемовой и В.Н. Шитова, солярные знаки¹⁰.

Авторами публикации было акцентировано внимание на семи знаках, расположенных в нижней части навершия при пересечении орнаментальных линий: кольце; темном овале, повернутом верхней частью влево; кольце с точкой посередине; большом кольце со смещенной влево точкой; светлом овале с двумя перемычками, повернутом верхней частью вправо; малом кольце; светлом овале с одной перемычкой посередине, повернутом верхней частью вправо. В.Д. Артемова и В.Н. Шитов не дают интерпретации указанным знакам, на наш взгляд, их следует рассматривать как неизвестный вариант тайнописи. В данном случае мы имеем дело либо с зашифрованной надписью — оберегом владельца, либо, учитывая характер оружия, знаки следует рассматривать как надпись ритуального содержания.

Трубка рукояти пурдошанского меча покрыта орнаментом в виде чешуи. Это дает нам основание считать общую композицию рукояти художественным отображением мифической схватки Тора и мирового змея Ёрмунганда перед концом мира. В скандинавской мифологии Тор — герой, защищающий Мид-

гард (мир людей) и Асгард (мир богов) от великанов (ётунов); он противник мирового змея Ёрмунганда. Тор выполняет воинскую функцию в защите «своих» от «чужих». Битва Тора с мировым змеем была излюбленной темой изображений на щитах, о чем свидетельствуют щитовые драпы (стихотворения, в которых описываются картины, воспроизведенные на дорогом щите, подаренном конунгом скальду)¹¹.

* * *

В последние десятилетия в погребениях мордовских могильников были обнаружены предметы, которые по композиционным особенностям могут быть отнесены к вариантам иконографии Одина. В 1996 г. при раскопках Кельгининского могильника в мужском погребении 151, датирующемся XI в., был обнаружен кожаный пояс с бронзовыми пряжкой, накладками, пластинчатой обоймой и наконечником ремня. Пряжка пояса имела литую рамку и подвижный щиток, который представлял собой объемный оттиск из листовой бронзы толщиной около 1 мм. Общая длина пряжки составляла 49 мм, ширина рамки — 24 мм, наибольшая ширина щитка — 20 мм. Длина щитка — 31 мм. Орнамент на щитке выполнен при помощи сдвоенных рельефных линий. Линии орнамента образуют некое подобие сидящей человеческой фигуры с упертыми в бока согнутыми в локтях руками. У головы фигуры — два боковых отростка с расположенными над ними точками (рис. 3, 1). Композиционная схема на щитке пряжки воспроизводит иконографический сюжет «Один и вороны». Наиболее близкими аналогиями данному изображению из Кельгининского могильника являются орнаментальные композиции на наконечниках ножен мечей X в. из могильников: Ирзекапинис в Калининградской области (рис. 3, 2) и Жасинас в Литве (рис. 3, 3).

Иконографический сюжет «Один, слушающий воронов» оформился у западных германцев ко второй половине V в.н.э.¹² Наиболее ранние изображе-

ния Водана-Одина и воронов находятся на щитке пряжки второй половины V в. из Эправе (Бельгия) и на щитке пряжки начала VII в. из Окер (Норвегия)¹³. В.И. Кулаков, опираясь на эпическую традицию, предлагает считать данную композиционную схему каноном языческой иконы, возникшей как оппозиция христианским изобразительным канонам¹⁴.

Дальнейшее развитие изобразительного канона «Один и вороны» прослеживается на наконечниках ножен мечей X в., изготовленных в стиле Борре¹⁵. Проникая в балтийскую среду, эта иконографическая схема претерпевает значительные изменения: изображение предельно стилизуется, вороны сменяют драконы. Именно результат корректировки балтскими мастерами скандинавского канона мы видим на наконечниках ножен из могильников Ирзекапинис и Жасинас (рис. 3, 2,3). Пряжка из Кельгининского могильника, судя по схематичности стиля исполнения, также представляет балтскую реплику схемы «Один и вороны».

Вторая находка с иконографическим вариантом изображения Одина на территории Мордовии была обнаружена при раскопках Кельгининского могильника в 1998 г. Она происходит из заполнения погребения № 258, которое датируется концом XI–XII в. Данная подвеска неточно воспроизведена как на обложке книги «Кельгининский могильник», так и на рисунке в самой публикации¹⁶.

Подвеска изготовлена из сплава серебра с медью и представляет собой ажурную бляху миндалевидной формы. Длина украшения от ушка до нижнего края составляет 61 мм, ширина в месте наибольшего расширения – 42 мм. Орнамент на подвеске состоит из стилизованного изображения мужского лица. Центральное место композиции занимает изображение прямо смотрящих асимметричных (правый больше левого) глаз. Чуть ниже расположен нос, плавно переходящий в площадку ромбической формы. Этот участок под-

вески представляет, по-видимому, рот, окаймленный усами и бородой. К верху от глаз расположен трилистник, от которого в стороны отходят рогообразные отростки (рис. 4, 1). Бросается в глаза незавершенность кельгининской подвески – на верхней части не проделано отверстие для подвешивания и не удалены излишки металла, вылившиеся за пределы литейной формы.

По форме подвеска сходна с кочевническими копоушками второй половины X в., которые являются одним из характерных признаков печенежско-торческого населения восточной части южнорусских степей¹⁷. Богатый растительный орнамент на рукоятках кочевнических подвесок-копоушек трактуется исследователями как проявление сакрального значения этих предметов. Наиболее близкие аналогии кельгининской подвеске находятся в материалах Саркельского могильника и Саркела – Белой Вежи¹⁸. Появление копоушек, схожих по форме с кочевническими, но имеющих орнаментацию, выполненную в скандинавской традиции, на мой взгляд, следует связывать с полиэтничной дружинной средой Поднепровья. Вполне возможно, что мастер, изготовлявший такие предметы, стремился воспроизвести понравившийся амулет-копоушку с применением в орнаментации более близкого ему сюжета (образ одноглазого Одина). В пользу сакрального назначения кельгининской подвески свидетельствует и то, что она была отлита с оригинала, у которого отсутствовал стержень с функциональной ложечкой, поскольку нижний край копии не имеет следов излома.

Изображение бородатого лица с асимметричными глазами имеет аналогии на ювелирных изделиях X–XI вв. с территории Древней Руси, Скандинавии и Прибалтики. Лицо с асимметричными глазами находится на подвеске из Гнездова (рис. 4, 2), обнаруженной в составе клада 1868 г.¹⁹ Оно воспроизведено также на бронзовых фигурках из Свенсторпа в Швеции, с городища Шведт-ан-Одер в Германии и Новгоро-

Рис. 3. Изображения божества с головами животных за плечами: 1 – пряжка из погр. 151 Кельгининского могильника (Зубово-Полянский р-н Республики Мордовия), бронза; 2 – наконечник ножен меча из погр. 94 могильника Жасинас (Шилальский р-н Литовской Республики), бронза; 3 – наконечник ножен меча из погр. 117 могильника Ирзекапинис (Зеленоградский р-н Калининградской обл.), бронза. 1 – Археологический музей Мордовского госуниверситета; 2, 3 – по: Кулаков, 2003. Рис. 1, 2, 3

Рис. 4. Изображения божества с асимметричными глазами: 1 – подвеска из Кельгининского могильника (Зубово-Полянский р-н Республики Мордовия); 2 – подвеска из Гнездова, клад 1868 г.; 3 – подвеска из Новгорода; 4 – ременные бляшки из Лядинского могильника (Тамбовская обл.); 5 – бляшка из Пановского могильника (Пензенская обл.); 6 – фигурка из Новгорода. 1 – фонды Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея; 2 – по: Седов, 1982. Табл. LXVIII – 6; 3, 6 – по: Кулаков, 2003. Рис. 1 – 6, 7; 4 – по: Альбом древностей мордовского народа, 1941. Табл. VIII – 9; 5 – по: Материальная культура среднецентинской мордвы VIII–XI вв., 1969. Табл. 17 – 6

да²⁰. По мнению В.И. Кулакова, данные фигурки отражают проявление культа Одина и Перуна/Перкуно²¹.

Кельгининская подвеска не единичное изображение божества с асимметричными глазами с территории расселения мордвы. В конце XIX столетия при раскопках Лядинского могильника X—XI вв. на Средней Цне было обнаружено несколько ременных бляшек с изображением лица с бородой и асимметричными глазами (рис. 4, 4)²². В 1928 г. П.П. Ивановым при раскопках Пановского могильника в погребении № 100 (X в.) были обнаружены аналогичные бляшки (рис. 4, 5)²³.

* * *

Как мы видим, в средневековых древностях Среднего Поволжья имеется пласт вещей, связанных с дружинной средой Восточной Европы. Время их изготовления приходится на вторую половину X — первую половину XI в. Круг дружинных древностей с территории Окско-Сурского междуречья можно расширить, включив в него подвески со знаками Рюриковичей, найденные при раскопках Кельгининского могильника²⁴, и поясную garnитуру с орнаментом, повторяющим трезубец Владимира I Святого, обнаруженную в погребении № 1 Стековского могильника²⁵. К вещам подобного рода можно отнести ритуальный топорик и наконечник копья с золотой инкрустацией из могильника Татарская Лака II²⁶, а также наконечники ножен мечей с прорезным орнаментом с Чаадаевского городища близ Мурома²⁷ и Шокшинского могильника²⁸.

Появление подобных предметов в Окско-Сурском междуречье не случайно. Оно свидетельствует об активизации внешней политики древнерусских князей в восточном направлении. На рубеже X—XI вв. Владимир I предпринимает ряд походов на Волжскую Болгарию. Заключенный торговый договор 1006 г. разделит сферы экономического влияния между Киевской Русью

и Волжской Булгарией²⁹. К концу X в. относится основание княжеского престола в Муроме. В результате первого раздела вотчин между сыновьями Владимира I Муром достался Борису, а после смерти Вышеслава в 1010 году он переходит Глебу³⁰.

Находки, связанные своим происхождением с дружинной средой Восточной Европы, определенно свидетельствуют о том, что часть мордовской территории в конце X — начале XI в. оказалась под сильнейшим влиянием древнерусского государства. Об этом также могут свидетельствовать и религиозные верования мордовского народа — в частности культ бога громовика Пурьгинепазы у мордвы-эрзи. По мнению известного мордовского фольклориста А.М. Шаронова, мордва в период формирования мифа о Пурьгинепазе вначале в составе Новгородского княжества, а затем и Киевской Руси имела активные этнические, военные и культурные контакты с прибалтийско-литовскими и финскими племенами, а также с древнерусской народностью. Эти контакты и обусловленные ими связи могли в известной мере способствовать появлению сходства в мифологии названных народов, в том числе в имени и образе эрзянского Пурьгинепазы, литовского Перкунаса, русского Перуна, финского Пиру, эстонского Пикне³¹.

Как известно, в дружинах Владимира I и его сыновей было много скандинавов, балтов и финно-угров. Безусловно, наемники принимали самое активное участие в военных походах. Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что в составе войска древнерусских князей, на правах наемников-федератов, вполне могли оказаться и представители мордвы. Следовательно, такое дорогостоящее оружие, как пурдошанский меч, а также поясная garnитура с орнаментом, повторяющим трезубец Рюриковичей, могли проникать на мордовскую территорию непосредственно с их носителями.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Кулаков В.И. Варианты иконографии Одина и Тора V–XI вв. // Древняя Русь: новые исследования. Славяно-русские древности. Вып. 2. – СПб., 1995. – С. 80.
- ² Горюнова Е.И. Ефаевский могильник // Археологический сборник. Т. 1. – Саранск, 1948. – С. 126, табл. XXVI, 14.
- ³ Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. – М.; Л., 1954. – С. 66.
- ⁴ Новикова Е.Ю. Подвеска с птицей из Владимирских курганов. Опыт атрибуции // Средневековые древности Восточной Европы. (Тр. ГИМ. Вып. 82). – М., 1993. – С. 52–53.
- ⁵ Корзухина Г.Ф. Русские клады..., с. 66.
- ⁶ Новикова Е.Ю. Подвеска с птицей..., с. 54.
- ⁷ Новикова Е.Ю. Подвеска с птицей..., с. 48.
- ⁸ Артемова В.Д., Шитов В.Н. Два меча XI в. из Темниковского Примокшанья // Древние поселения Примокшанья. (Тр. Мордов. НИИЯЛИЭ. Вып. 104). – Саранск, 1992. Вып. 104. – С. 144–146, табл. II.
- ⁹ Шитов В.Н. Мечи X–XI вв. на территории Мордовии // Историко-археологическое изучение Поволжья. – Йошкар-Ола, 1994.
- ¹⁰ Артемова В.Д., Шитов В.Н. Два меча XI в. из Темниковского Примокшанья..., с. 145.
- ¹¹ Мифы народов мира. – М., 1994. – Т. 2. – С. 519.
- ¹² Кулаков В.И. Варианты иконографии Одина и Тора V–XI вв. ..., с. 67.
- ¹³ Кулаков В.И. Варианты иконографии Одина и Тора V–XI вв. ..., рис. 1, 1, 2.
- ¹⁴ Кулаков В.И. Варианты иконографии Одина и Перуна/Перкуно // Российская археология. – 2003. – № 1. – С. 60.
- ¹⁵ Кулаков В.И. Варианты иконографии Одина и Тора V–XI вв. ..., рис. 1, 5, 7, 8.
- ¹⁶ Беляев Я.В., Вихляев В.И., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. Кельгининский могильник. – Саранск, 1998. – С. 157, рис. 97, 2.
- ¹⁷ Гаврилина Л.М. Кочевнические украшения X в. // Советская археология. – 1985. – № 3. – С. 215.
- ¹⁸ Там же. – С. 216, рис. 2, 7.
- ¹⁹ Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. – М., 1982. – С. 281, табл. LXVIII, 6.
- ²⁰ Кулаков В.И. Варианты иконографии Одина и Перуна/Перкуно..., с. 61, рис. 1, 4–7.
- ²¹ Там же. – С. 60.
- ²² Альбом древностей мордовского народа. – Саранск, 1941. – Табл. VIII, 9.
- ²³ Материальная культура среднеднепровской мордвы VIII–XI вв. – Саранск, 1969. – Табл. 17, 6.
- ²⁴ Беговаткин А.А., Вихляев В.И. Подвески со знаками Рюриковичей из Кельгининского могильника в Мордовии // Краеведческие записки. – Саранск, 2004. – С. 6–11.
- ²⁵ Мартынов В.Н. Арзамасская мордва в I – начале II тысячелетия. – Арзамас, 2001. – Табл. 142, 1.
- ²⁶ Винничек В.А., Губанов А.А. Могильник «Татарская Лака II» в системе средневековых памятников мордвы // Археология восточноевропейской степи. Сб. материалов Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию А.Е. Алиховой. – Пенза, 2003. – С. 349, рис. 3, 16.
- ²⁷ Альбом древностей..., табл. XXVIII, 9.
- ²⁸ Шитов В.Н. Шокшинский могильник: два погребения с монетами // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья. (Тр. Мордов. НИИЯЛИЭ. Вып. 99). – Саранск, 1990. – Табл. IV, 23.
- ²⁹ Хузин Ф.Ш. Волжские булгары, славяне и древняя Русь: культурно-экономические и этнополитические связи в раннем средневековье // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. (Тр. Гос. Эрмитажа. Т. XLIX). – СПб., 2009. – С. 228–230.
- ³⁰ Бейлекчи В.В. Древности летописной муромы. – Муром, 2005.
- ³¹ Шаронов А.М. Мордовский героический эпос. – Саранск, 2001. – С. 64.

Аннотация

В статье анализируются находки из Мордовии, относящиеся к скандинавскому кругу древностей. Появление подобных предметов в Окско-Сурском междуречье свидетельствует об активизации внешней политики древнерусских князей в восточном направлении. На рубеже X–XI вв. Владимир I предпринимает ряд походов на Волжскую Болгарию. Заключенный торговый договор 1006 г. разделил сферы экономического влияния между Киевской Русью и Волжской Болгарией. Находки, связанные своим происхождением с дружинной средой Восточной Европы, определенно говорят о том, что часть мордовской территории в конце X – начале XI в. оказалась под сильнейшим влиянием древнерусского государства.

Ключевые слова: раннесредневековая мордва, дружинная культура, скандинавские артефакты в Окско-Сурском междуречье.

Summary

The article deals with the analysis of finds in Mordovia which belong to the Scandinavian range of antiques. The appearance of such articles between the Oka and Sura rivers is not incidental. They witness that the foreign policy of the Old Russian princes becomes more active eastwards. On the borderline of the Xth and XIth centuries, Vladimir I undertakes a number of expeditions to Volga Bulgaria. The trade treaty signed in 1006 divided the spheres of economic influence in the Volga area between the Kievan Rus and Volga Bulgaria. The finds originating from the druzhina environment in Eastern Europe clearly show that part of the Mordovian territory got under the influence of the Old Russian state in the late Xth and early XIth centuries.